

Размышления над новой книгой

© 2020 г.

А.Л. АНДРЕЕВ, Е.Г. ГЕШЕВА

ЧЕТЫРЕ ШАГА НАЗАД: ВОЗВРАЩЕНИЕ... В БУДУЩЕЕ? (о книге З. Баумана «Ретротопия»)

АНДРЕЕВ Андрей Леонидович – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт» (sympathy_06@mail.ru); ГЕШЕВА Елена Георгиевна – кандидат философских наук, доцент того же университета (elenagesheva@yandex.ru). Оба – Москва, Россия.

Аннотация. Предлагаемые вниманию размышления над тенденциями развития современного общества навеяны книгой Зигмунта Баумана «Ретротопия». Исходя из того, что современная ситуация глобальных изменений характеризуется особой динамикой и осмысление социально-исторических процессов не поспевает за трансформациями, ими вызванными, авторы статьи оценивают научные подходы З. Баумана с точки зрения их адекватности и продуктивности. Отмечается своеобразие научного мышления Баумана: он выделил ключевые тенденции в развитии нового общественного ландшафта, формируемого ретроспективными, ностальгическими «уходами» общественного сознания в неорархаику. В этом контексте рассматривается, как, казалось бы, преодоленные социальные подходы парадоксальным образом резонируют с новыми социальными явлениями. На основе анализа «четырёх шагов назад», трактуемых как основные тенденции в развитии общественного сознания, авторы размышляют о том, почему, отказавшись ожидать улучшений от неопределенного и не внушающего доверия будущего, общество приписывает традиционным ценностям и нормам ценности стабильности и надежности. В порядке дискуссии высказывается мнение, что во времена кризисных изменений едва ли возможно использование старых приемов и традиционалистских практик при решении новых проблем.

Ключевые слова: модернизация • социальное неравенство • дефункционализация государства • либеральные ценности • риски • нарциссизм • индивидуализм • идентичность

DOI: 10.31857/S013216250009388-9

К настоящему времени, похоже, ни у кого не осталось сомнений в том, что мы живем в эпоху изменений в самих основах общественного бытия. Иначе говоря, в эпоху новой революции. В отличие от тех, что случались прежде – в XVI, XVII, XVIII, XIX и даже XX вв., эта революция охватывает не одну или несколько стран, а весь мир в целом и потому, в соответствии со своим масштабом, может быть названа *глобальной революцией*. Но дело не только в широте охвата, но и в глубине, а также многообразии перемен. В классических социологических теориях революция понимается как политический переворот, в результате которого осуществляются радикальное переформатирование социальной системы, перестройка социальных иерархий и смена элит (господствующих классов). В 1920–1930-е гг. Ленин и Грамши несколько расширили данную трактовку, присоединив к ней концепцию культурной революции; а еще позднее – главным образом под влиянием Т. Куна – в социологический дискурс вошли такие понятия, как научная и

научно-техническая революция. Все эти смысловые референции сохраняют свое значение для осмысления тех обозначившихся в самое последнее время процессов, которые стремительно меняют «лицо» современного мира. Разумеется, нам сегодня по-прежнему приходится сталкиваться и с сущностными трансформациями политического порядка (примеры: кризис публичной политики, дефункционализация государств, передача их полномочий и возможностей наднациональным интеграционным объединениям), и с реструктурированием пространства социальных отношений, сопровождающимся появлением принципиально новых социальных феноменов (прекариат, сетевые социальные общности), и с последствиями дальнейшего развертывания научно-технической революции (цифровые технологии, роботизация, искусственный интеллект, реконструкция генома человека), и с качественными сдвигами в духовной жизни, сознании, культуре (отказ от традиционных нравственных ценностей, погружение в виртуальную реальность, увлечение так называемой альтернативной историей, постправда, возможность произвольного выбора идентичности, включая гендерную). Но этим дело уже не исчерпывается: революционные по своей сути процессы затрагивают все глубже разные уровни социальной реальности. С такого рода процессами связано расширение «видового разнообразия» революций. Так, например, сегодня можно предметно говорить о смене существовавшей в течение многих столетий модели этнического разнообразия (т.е. об этнической революции) [Андреев, 2017] или даже обсуждать перспективу завершения истории человечества и возникновения так называемой постчеловеческой цивилизации [Steinhoff, 2014; Wennemann, 2016].

Этим глобальным изменениям и вызовам посвящена книга Зигмунта Баумана «Ретро-топия», стимулирующая выработку совершенно нового взгляда на происходящие сегодня социальные изменения. Жанр книги определить непросто. Меньше всего это классическое социологическое исследование, щедро сдобренное россыпью статистических данных. Но это и не литературное эссе, где автор опирается только на собственные взгляды. Да и предметное поле трудно зафиксировать – это в равной степени и культурологический, и философский, и социологический и даже психологический анализ. Читаешь ее с особенным чувством – это не жонглирование избитыми темами и штампами, а поиск глубинных смысловых оснований современности перед лицом вечности. Ведь речь идет о последней книге Баумана, написанной в жанре честного разговора с самим собой и читателем. Особый характер изложения позволяет читать с любого места: где бы вы ни открыли книгу – это будет естественное продолжение разговора с интересным собеседником. И не потому, что изложение фрагментарно, а в силу общей нити размышлений, которая не теряется, а только прирастает и проясняется через примеры, сюжеты, ссылки. Книга Баумана – редкое сочетание рационального, интеллектуального анализа и эмоциональной вовлеченности, способности к сопереживанию. Хочется размышлять, сопереживать, а одновременно – спорить, сомневаться и не соглашаться.

Само название «Ретротопия» – авторский новояз. Так Бауман называет общественное настроение, чувство ностальгии по ушедшему, по социальной Атлантиде, идеализируемой перед лицом непонятных и пугающих перемен. Эта тема не нова: она активно разрабатывается в современной социологической и философской мысли; рост новых, еще не вполне понятных тенденций анализируется в работах западных (например, Э. Гидденса, У. Бека, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяра) и отечественных авторов – А.В. Бузгалина, А.Л. Андреева, О.Н. Яницкого, В.Г. Федотовой и других. Своеобразие подхода к этой проблематике у Баумана в том, что, пытаясь структурировать общественные настроения, он выделяет ключевые тенденции в развитии нового общественного ландшафта социальных практик, культурных кодов, способов взаимодействия с позиций эмоциональной вовлеченности, в характерной для себя стилистике.

Интересно, что такое сложно формализуемое общественное настроение сам Бауман облек в четкую структуру четырех «назад». Четыре сюжета, четыре главы книги – «Назад к Гоббсу?», «Назад к племенам», «Назад к неравенству», «Назад к утробу». Эпилог звучит

почти оптимистично «В будущее с надеждой на перемены». Если попытаться коротко выразить основную мысль, то она в том, что Европа, да и весь мир, переживает момент дезинтеграции, краха привычных норм и ценностей, кризис идентичности. Эта мысль не нова и разделяется многими авторами. Но Бауман ярко показывает, как стремительно меняется вектор общественного развития, а с ним – наши надежды, как старые страхи уступают место новым, как мир становится все более хрупким, а будущее – неопределенным. В конце концов, «отказавшись ожидать улучшений от неопределенного и не внушающего доверия будущего, мы снова стали уповать на смутно вспоминаемое прошлое, приписав ему ценности стабильности и надежности» (с. 19)¹. Так и человек, перед лицом нового жизненного этапа, когда новые потребности не могут быть удовлетворены старыми средствами, ощущает страх перед новым. Боязнь взросления, боязнь старения, неприятие себя и своей зрелости – знакомые жизненные сюжеты. Не переходя на уровень прямых аналогий, отметим, что общество испытывает нечто похожее.

В чем же конкретно проявляются эти ретротопические «уходы», бегства в прошлое? Бауман начинает с сюжетов из области макросоциологического анализа. Прежде всего это новая роль государства, вызывающая, по мысли автора, общественное разочарование. Взгляд на государство как гаранта безопасности и защиты от «неуправляемого насилия» уже не оправдывает себя (с. 31). Государство не может выполнять миссию уменьшения насилия в обществе, подавляя «врожденную жестокость людей», и их теперь ждет возвращение к гоббсовской «войне всех против всех». Агрессивность и жестокость не обуздана, более того, она возросла, обретая новые формы, еще менее контролируемые, чем ранее. Государство так и не смогло прочертить границу между легитимным и нелегитимным насилием, границу, как пишет Бауман, «по-настоящему надежную: обязывающую, сдерживающую, нерушимую и непреодолимую» (с. 33). Это суждение у Баумана можно понимать так, что традиционные задачи государства как социального института не могут быть реализованы в новых условиях теми же средствами, как и ранее. В условиях глобализации, усиливающейся взаимозависимости государство не может гарантировать порядок и защиту от внешних воздействий и, действуя локально и «по обстоятельствам», возводит «незащищенность, неопределенность и ненадежность в ранг перманентных условий человеческого существования» (с. 34). Для сравнения, другой исследователь изменившейся роли государства в современных условиях – И. Крастев в книге «После Европы» пишет, что кризис классического Левиафана – это кризис либеральных ценностей, когда граждане разочаровались в основных либеральных концептах, прежде всего в либеральной демократии и государстве. Для него это разочарование закономерно вызывает ответную волну популистских настроений [Крастев, 2018: 94–96], а вот у Баумана кризис государства привел к «изоляции и атомизации», анонии, всплеску эгоистической самодостаточности, действий по логике «спасайся сам», без надежды на социальные и политические институты. Вот такой интровертный ответ, замешанный на потребительском конформизме, всеобщем хаосе, страхах и неопределенности. Бауман пишет, что мы приблизились к гоббсовской войне «всех против всех», но не потому, что еще не создан «всемогущий Левиафан», а «из-за соприсутствия чрезмерного множества больших, средних и малых левиафанов, скверно функционирующих и не выполняющих задач...» (с. 55). Думается, что, верно отмечая кризис политических институтов, Бауман все же торопится заявлять об исчезновении «Большого и всемогущего Левиафана», хотя вообще-то эта мысль в западной социологии встречается часто. Государство все же неспособно к некоторым желанным для многих видам целеполагания, и в частности к созданию «гарантированного будущего», но от этой иллюзии общество освободилось, когда сбросило с глаз пелену тоталитарных утопий.

Конечно же, читая Баумана, невозможно обойти вниманием проблемы глобализации. Еще совсем недавно на глобализацию возлагались чрезмерные надежды, а сегодня

¹ Здесь и далее ссылки на страницы рецензируемой книги [Бауман, 2019] даются в круглых скобках. – Прим. ред.

ее последствия вызывают оправданное беспокойство. Мир без границ принес ностальгию по утраченной общности, «чувству мы», а вместе с этим – опасения перед чужаками, потерянность перед миграционными волнами. Оказалось, что миграционный кризис – это не просто увеличение беженцев, но угроза собственной идентичности, тоска по общинным отношениям, то есть проблемы экзистенциального толка. «Когда по соседству живет много чужаков – это верный, осязаемый признак того, что определенность исчезает, а жизненные перспективы, равно как и возможности их реализовать, не просматриваются» (с. 66). Куда бежать за утешением? Ответ Баумана все тот же – конечно, в прошлое, с его такими надежными и понятными национальными границами, в пространство коллективной памяти с ее архетипами рода, крови, связи. «Назад к племенам» – лишь это может дать ощущение твердой почвы под ногами. Автор отмечает, что современная ситуация чревата трагическими разрывами. Хотелось толерантности, терпимости, воплощения единства человеческого рода, а получилось сокращающееся, как шагреновая кожа, пространство национальной идентичности, ослабление национальных государств. А могло ли быть иначе? Усиливающаяся коммуникация разворачивается на фоне социальных, политических и экономических проблем, да и культурное неравенство нельзя сбрасывать со счетов. По существу, коммуникация лишь обостряет те проблемы, которые ранее не ощущались столь остро. Возникла как бы «деколонизация наоборот». Поэтому совершенно понятен этот порыв строить стены, укреплять границы и изгонять чужаков, стремящихся нажиться «на доброте государства всеобщего благосостояния» (с. 58). В то же время в складывающейся ситуации наличие «иных», чуждых социально и культурно, оказалось скрепляющим фактором, объединяющим «толерантных» европейцев на основе общих корней и голоса крови. В «Ретротопии» очень честно говорится о том, что в значительной степени близорукая политика европейских и американских элит и привела к подобному результату. Дестабилизация Ближневосточного региона, «которая стала следствием непродуманной, по-идиотски близорукой и заведомо обреченной на провал политики» (с. 82), как раз и вызвала волну беженцев, захлестнувшую Европу.

Наблюдая за развитием событий, приходится согласиться с Бауманом, что никакие частные решения здесь не помогут. Мигранты с общинно-племенным сознанием заставляют и европейцев желать возвращения в общинное тепло утраченных трибалистских связей. А деление на «своих» и «чужих» напрочь изменило романтические мечты о космополитичном мире. Конечно, это – не новые процессы. История показывает, что волны миграции захлестывали страны и континенты постоянно. Вопрос очевидно в том, что сейчас эти процессы по существу неконтролируемы. По признанию британского социолога, это оказалось не тем, что ожидали европейские элиты, да и население в целом. Выстраивать цивилизованные отношения с «другими» оказалось сложнее, чем представлялось, особенно если они сами не особо стремятся к этому. Прогнозируемое С. Хантингтоном столкновение цивилизаций оправдалось в полной мере. Бауман идет дальше, говоря о возрождении племенного мировосприятия как ответе общества на новую картину новой Европы. Идея универсального мира с универсальным гражданством лопнула. В первую очередь не потому, что в нас извечно заложены психологические механизмы обособления и противопоставления (хотя Бауман прав, конечно же, в том, что с ними так легко не расстанешься). Этот миф – такой благородный и вдохновляющий, когда о нем рассуждают в комфортной тиши кабинетов, – не выдерживает практики усиливающегося социального неравенства, груза социальных проблем, всеобщей неразберихи. Приходится признать, что историческая память – это право нации на территориально очерченный политический суверенитет, и просвещенческие идеалы прав человека, видимо, нельзя распространить на всех. Между идеалом и его конкретным воплощением оказалась слишком большая дистанция. В ситуации растущей угрозы, рисков и неопределенности идеи универсализма не работают.

Бауман заглядывает в корневые экономические и социальные основания современных проблем – растущее социальное неравенство, раскол и столкновение различных

социальных групп. Теории 1960–1970-х гг. давали надежду на то, что человечество вполне справится с социальным неравенством, по меньшей мере научится держать его в социально приемлемых границах. В этой же логике звучали прогнозы, что и экономические кризисы позади, мы научились с ними справляться. Разочарование постигло человека Запада и здесь. Этой проблематике в почти марксистском ее звучании Бауман посвятил особый раздел книги с красноречивым названием «Назад к неравенству». Еще один шаг назад – в данном случае от государства всеобщего благосостояния к той модели социальной дифференциации, которая была характерна для раннего капитализма, существовавшего до Кейнса и рузвельтовского «Нового курса». В своей работе «Идет ли богатство немногих на пользу всем прочим?» Бауман уже дал отрицательный ответ на этот вопрос, показав, что эффект «просачивания» богатства, золотым дождем проливающегося на массы и дающего рост народного благосостояния, – не более чем социальный миф. Цифры, демонстрирующие рост неравенства, красноречивее всех рассуждений говорят о том же. В сегодняшнем мире беднейшая половина человечества (а это ни много ни мало 3,5 млрд) владеет 1% общемирового богатства. А в США 160 тысяч самых состоятельных семей контролируют столько же богатства, сколько имеют 145 млн беднейших семей. При таких условиях говорить о едином человечестве становится затруднительно. Вновь вспоминается Дизраэли: две нации, только теперь уже не только в собственно национальном, но и в мировом масштабе. В этой связи отметим любопытное замечание Баумана об усиливающейся разнице в использовании национального языка. Существование языка элиты и языка остальной части общества – общеизвестная практика. Вспомним, например, арго русской знати – французский язык, демаркировавший ее как от «простонародья», так и от низшего дворянства. В отличие от этого в XX в. все чаще говорили о демократизации культурно-речевых статусов, подчеркивая, что разница между речевыми практиками идет чаще всего не по линии социального неравенства, а по возрастным, образовательным и иным различиям. Однако автор «Ретротопии» утверждает, что разница культурно-речевых статусов никогда не проявлялась столь глубоко, как сейчас. Что это – эмоциональное преувеличение, или беглый абрис проблемы, которая будет усиливаться и требовать новых исследовательских усилий? Не становится ли модифицированный (разумеется, в смысле редукции изначального лексико-стилистического богатства) английский языком новой глобальной аристократии или, может быть, нового глобального этноса, который А.И. Неклесса метко назвал «людьми воздуха» [Неклесса, 2005]? Не исключено. Однако пока мы наблюдаем формирование неких сленговых гибридов английского с другими языками. В России это явление тоже известно и очень напоминает нам пресловутый русско-украинский суржик и русско-белорусскую трасянку. Гибридизация, во многом совершенно нелепая, идет очень быстро и размывает лексический фонд русского языка. Вопрос в том, кто является «драйвером» этого процесса.

Сегодня звучат обоснованные опасения по поводу появления новых оснований социального неравенства вследствие технологических изменений в обществе. Тревога нарастает потому, что по существу никто не знает, какие изменения ждут общество, «основанное на труде», вследствие автоматизации и развития новых цифровых технологий. Бауман в связи с этим ссылается на результаты исследований ученых Оксфордской школы и Глобального института Мак-Кинси, утверждающих, что в ближайшие два десятилетия 47% рабочих мест в США могут исчезнуть. При этом их исчезновение не будет компенсировано спросом на труд в других секторах занятости (с. 109). Что же ждет нас в этом новом мире. Какие-либо достаточно содержательные ответы мы сегодня вряд ли получим. Но поводы для размышлений имеются. Так, Бауман весьма подробно исследует предлагаемый сегодня целым рядом западных экспертов и политиков вариант введения ББД (безусловный базовый доход). Это система распределения материальных благ и финансовых ресурсов, которая основана на выплате определенного денежного минимума всем членам общества независимо от того, работают они или нет, и даже от того, хотят ли они работать вообще. Как мы помним, во множестве мрачных литературных антиутопий эта мысль рассматривалась в

разных ракурсах, но всегда вызвала одинаково тяжелый осадок и ощущение того, что это ведет к деградации: можно вспомнить в этой связи хотя бы «Остров дураков» из детской фантастики Николая Носова («Незнайка на Луне»). Теперь планы достижения будущего «Дома равенства» вызывают такие же чувства и похожие вопросы. И сам Бауман отмечает, что как только абстрактная идея ББД столкнется с ее реализацией, как только возникнет вопрос «как?», надежды на «новое социальное равенство» исчезнут сами собой. Тем не менее, в чем-то противореча самому себе, Бауман считает, что это не должно нас останавливать. Жизнеспособность проекта ББД, с его точки зрения, можно использовать как эффективное средство против усиливающегося социального неравенства в условиях краха философии государства всеобщего благосостояния. Думается, что нельзя считать ББД панацеей. Можно допустить этот вариант в лучшем случае как спорный тактический шаг в отсутствие лучших рецептов. Подобные проекты выглядят как попытка решить сложнейшие социальные вопросы поверхностными средствами.

Последний по счету шаг назад, о котором пишет Бауман, рассматривается под эпатирующим заглавием – «Назад в утробу». Уже привычно ждать от ученого размышлений на тему новой этики, нового морального порядка. Он равнодушен к этой тематике и неоднократно обращался к ней в других своих исследованиях, констатируя приход «новой морали», полной эгоистической индивидуализации. В «Ретротопии» в целом сохраняется та же логика. «Новая мораль из центробежной превратилась в центростремительную: когда-то она была главным связующим звеном в преодолении межличностных зазоров, в сближении и интеграции; теперь мораль стала одним из инструментов разделения, разобщения, размещения, отчуждения и разрыва» (с. 127). Автор усиливает психологический аспект анализа процессов становления нового морального порядка. Речь идет о том, что от нахлынувших проблем и безрадостных перспектив люди отступают «в ложно безопасное прибежище заботы о себе и своих интересах» (с. 119). При ближайшем рассмотрении – это бегство в мирок потребительского конформизма. Достичь психологического комфорта предлагается при помощи многочисленных рецептов позитивной психологии. Мы сами ответственны за свое психологическое благополучие, убеждают нас коучи. Мы обязаны успешно справляться с депрессией, одиночеством, научиться ставить эффективные цели, вести здоровый образ жизни, заниматься саморазвитием, по возможности реализовываться, не фокусируясь на объективных ограничениях. Объективные ограничения – это «другие», ну, или наши комплексы, заключающиеся в том, что мысли, желания, стремления «других» также надо учитывать. Однако Бауман интересен тем, что исследует спрос на такие «успокоительные» подходы к этой вечной проблеме и причины его роста. Он видит их (причины) в нарциссизме, растущем одиночестве, эгоизме и безответственном индивидуализме. Да, мы одиноки и постоянно эквилибрируем между «близостью и изоляцией» (по выражению Э. Эриксона). Но разве это новое психическое явление? По сути дела, это психологические (социально-психологические) константы, значение которых сегодня многократно усилилось. Вопрос в том, что эти экзистенциальные вечные проблемы нельзя решить «гигиеническими средствами». Утрату смысловых оснований не восполнить психотерапевтическими методами. Так уж мы устроены, что нам всегда нужны смысловые опоры. Лучше, чем писал об этом Виктор Франкл в своей книге «Человек перед вопросом о смысле», и не скажешь. Франкл, говоря о ноологических неврозах, отмечает, что человеческое бытие всегда ориентировано вовне – на нечто, что не является им самим, на что-то или на кого-то [Франкл, 1990: 29]. А практика современной морали начинается с самого индивида и им же заканчивается. Нарциссическая позиция «рационального эгоизма», пишет Бауман, стала нормой в эпоху разрушающихся человеческих связей и потерей смысловых ориентиров (с. 131). Эти связи стали мимолетны, лишены взаимных обязательств. Сам термин «нарциссизм» традиционно привычен для нас скорее в контексте психоаналитической литературы. Но в последнее время он широко употребляется и в социологическом аспекте, как диагностическая характеристика общества крайнего эгоистического индивидуализма, отсутствия интереса к другим. И У. Бек, и Э. Гидденс, да и

другие классики постмодерна пишут о нарциссизме. Охотно используется этот термин и российскими авторами [Павлова, 2010: 24]. Как справедливо отмечает Бауман, призрак одиночества «парит над человеческими общностями всех уровней, сверху донизу, лишая любой вид радующих сегодня межличностных связей, даже тщательно выстроенных, долгосрочной перспективы» (с. 135). Это касается широкого спектра социальных отношений: любовь, дружба, партнерские отношения – все непрочно, мимолетно, взамен выбираются рационально объяснимые временные договоренности, несущие иллюзорную надежду на безопасность, а, в сущности, ее подрывающие. Именно поэтому хочется вернуться в «утробу». Вариации в истолковании этой яркой метафоры у Баумана очень широки – от «нирваны» до «общины». В любом случае – это бегство от холодного одинокого существования. Но куда? Ведь «утроба» – это одинокое место. Вывод традиционен – если нет теплоты взаимодействия с «другим», остается довольствоваться комфортом и цифровой реальностью голубоватых экранов.

Отложим в сторону прочитанную нами книгу, представляющую собой своего рода «социологическое завещание» одного из самых известных социальных теоретиков наших дней. Бауман, обобщая, к счастью, не дает практических советов и не делает конкретных выводов. Почему к счастью? Потому что его философско-социальный анализ, скорее всего, входил бы в противоречие с конкретными предложениями. Эта книга – описание современной ситуации, попытки обозначения еще «спящих» тенденций. Эрудиция ученого направлена на феноменологическое поле проявления симптомов современной ситуации. Да он и сам подчеркивает, что сейчас «зияет разрыв между тем, что нужно, и тем, что можно сделать, между масштабом проблем, с которыми сталкивается человечество, и возможностями инструментария, доступного для их разрешения» (с. 150). Общая рекомендация «поднять человеческую интеграцию до уровня всего человечества» и развивать всеми доступными средствами культуру диалога выглядит сегодня, к сожалению, как прекраснотдушная утопия. Но, справедливо подчеркивает Бауман, иной альтернативы у нас нет. Другой вопрос: как вести такой диалог, какими могут быть формы его институционализации и основные «смысловые пункты». Некоторые подходы к осмыслению данной проблемы можно найти не только у З. Баумана, но и у других социальных мыслителей – например у Ю. Хабермаса. Но это в теории. На практике же стихия разобщения современного человечества продолжает действовать и расширяться, о чем, в частности, наглядно свидетельствует феномен информационных войн последних десятилетий.

Свой труд Бауман заканчивает словами: «...мы, обитатели планеты Земля, оказались в ситуации жесткого выбора: или взяться всем за руки, или лечь всем в общую могилу» (с. 157). В ответ мы не можем привести ничего лучшего, чем чеканную формулу Антонио Грамши о пессимизме разума и оптимизме воли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев А.Л. Глобальный мир и этническая революция // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 23–36. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.03.
- Бауман З. Ретротопия. М.: ВЦИОМ, 2019.
- Крастев И. После Европы. М.: Дело, 2018.
- Некlessа А.И. Люди воздуха, или Кто строит мир? М.: Ин-т эконом. страт., 2005.
- Павлова О.Н. Цивилизационный феномен нарциссизма: векторы объективации в парадигме психоанализа // Вопросы философии. 2010. № 6. С. 20–33.
- Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник. М.: Прогресс, 1990.
- Steinhoff J. Transhumanism and Marxism: Philosophical Connections // Journal of Evolution and Technology. 2014. Vol. 24. Iss. 2. May. P. 1–16.
- Wennemann D.J. The Concept of the Posthuman: Chain of Being or Conceptual Saltus? // Journal of Evolution and Technology. 2016. Vol. 26. Iss. 2. July. P. 16–30.

FOUR STEPS BACK: RETURNING... TO THE FUTURE? (about the book of Z. Bauman "Retrotopia")

ANDREEV A.L.*, GESHEVA E.G.**

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia; **National Research University "Moscow Power Engineering Institute", Russia

Andrey L. ANDREEV, Dr. Sci. (Philos.), Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Prof., National Research University "Moscow Power Engineering Institute" (sympathy_06@mail.ru); Elena G. GESHEVA, Cand. Sci. (Philos.), Associate Prof., National Research University "Moscow Power Engineering Institute" (elenagesheva@yandex.ru). Both – Moscow, Russia.

Abstract. The proposed article is a reflection on the trends in development of modern society, inspired by the new book "Retrotopia" by Zygmunt Bauman. The authors substantiates the validity of Bauman's scientific approaches, noting that the current situation of global changes is so rapid that to understand them does not keep up with the ensuing global transformations. They also note peculiarities of Bauman's approach to this problem reflected in the fact that he identified key trends in the development of a new social landscape formed by retrospective, nostalgic "departures" of public consciousness into neo-archaics. In this context, the article examines how some social approaches, apparently overcome, paradoxically resonate with new social phenomena. The "four steps back", interpreted as main trends in the development of public consciousness, are analyzed by the authors of the article together with Bauman reflections on why, refusing to expect improvements from an uncertain and untrustworthy future, society attributes the values of stability and reliability to traditionalized values and norms. In order to argue with the well-known English sociologist, it is suggested that in times of crisis-laden changes, it is hardly possible to use old techniques and traditionalist practices to solve newly emerging problems.

Keywords: modernization, social inequality, defunctionalization of the state, liberal values, risks, narcissism, individualism, identity.

REFERENCES

- Andreev A.L. (2017) Global World and Ethnic Revolution. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 5: 23–36. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.03. (In Russ.)
- Bauman Z. (2019) *Retrotopia*. Moscow: WCIOM. (In Russ.)
- Krastev I. (2018) *After Europe*. Moscow: Delo. (In Russ.)
- Neklessa A.I. (2005) *Homines Aeris, or Who Builds the World?* Moscow: In-t ekonom. strat. (In Russ.)
- Pavlova O.N. (2010) Civilizational Phenomenon of Narcissism: Vectors of Objectification in a Paradigm of Psychoanalysis. *Voprosy filosofii*. No. 6: 20–33. (In Russ.)
- Frankl V. (1990) *Man's Search for Meaning*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Steinhoff J. (2014) Transhumanism and Marxism: Philosophical Connections. *Journal of Evolution and Technology*. Vol. 24. Iss. 2. May: 1–16.
- Wennemann D.J. (2016) The Concept of the Posthuman: Chain of Being or Conceptual Saltus? *Journal of Evolution and Technology*. Vol. 26. Iss. 2. July: 16–30.